

РАССКАЗЫ И БЫЛИ

ЛЕВ И СОБАЧКА

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы

взять её из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, оцетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял

своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

КОНЬ

Был у Пети и Миши конь. Стал у них спор: чей конь. Стали они коня друг у друга рвать.

— Дай мне, мой конь.

— Нет, ты мне дай, конь не твой, а мой.

Пришла мать, взяла коня, и стал конь ничей.

ВАРЯ И ЧИЖ

У Вари был чиж. Чиж жил в клетке и ни разу не пел.

Варя пришла к чижу.

— «Пора тебе, чиж, петь».

— «Пусти меня на волю, на воле буду весь день петь».

СТАРИК И ЯБЛОНИ

Старик сажал яблони. Ему сказали: «Зачем тебе яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочков». Старик сказал: «Я не съем, другие съедят, мне спасибо скажут».

ДЕВОЧКА И ГРИБЫ

Две девочки шли домой с грибами. Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что машина далеко, вылезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая — перебежала через дорогу.

Старшая девочка, закричала сестре: «Не ходи назад».

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая

девочка не расслышала: она подумала, что ей велят бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел, что было силы.

Старшая девочка кричала: «Брось грибы!», а маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что случилось с девочкой.

Когда поезд прошёл, все увидели, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал

далеко, девочка подняла голову, вскочила на коленки, собрала грибы и побежала к сестре.

СЛЕПОЙ И ГЛУХОЙ

Слепой и глухой пошли в чужое поле за горохом. Глухой сказал слепому: «Ты слушай и мне сказывай; а я буду смотреть — тебе скажу».

Вот они зашли в горох и сели. Слепой ощупал горох и говорит: «Стручист». А глухой говорит: «Где стучит?» Слепой спотыкнулся на межу и упал. Глухой спросил: «Что ты?» Слепой говорит: «Межа!» Глухой говорит: «Бежать?» — и побежал. А слепой за ним.

КАК МУЖИК УБРАЛ КАМЕНЬ

На площади в одном городе лежал огромный камень. Камень зани-

мал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и спросили их, как убрать этот камень и сколько это будет стоить.

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям свезти его, и что это будет стоить 8000 рублей; другой сказал, что под камень надо подвести большой каток и на катке свезти камень, и что это будет стоить 6000 рублей.

А один мужик сказал:

— А я уберу камень и возьму за это 100 рублей.

У него спросили, как он это делает. И он сказал:

— Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землёю.

Мужик так и сделал, и ему дали 100 рублей и ещё 100 рублей за умную выдумку.

ФИЛИППОК

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филиппок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи, — и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филиппок да бабушка на печке. Стало Филиппу скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Вол-

чок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что как учитель меня прогонит?» И стал он думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель

в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да ты кто?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

— Ну-ка сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и-хви, — ле-и-ли, — пе-ок-пок.

Все засмеялись.

— Молодец, — сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

— А молитвы ты знаешь?

Филипок сказал:

— Знаю, — и начал говорить Богородицу; но всякое слово говорил не так.

Учитель остановил его и сказал:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

КОСТОЧКА

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

СОБАКА ЯКОВА

У одного караульщика была жена и двое детей — мальчик и девочка. Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет. У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами.

Один раз караульщик пошёл в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку.

Жена сказала:

— Дети, не ходите в лес, — а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре:

— Пойдём в лес, я вчера видел яблоню, и на ней поспели яблоки.

Девочка сказала:

— Пойдём.

И они побежали в лес.

Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было.

Муж пришёл домой и спросил:

— Где дети?

Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик побежал искать детей.

Вдруг он услышал, что визжит собака. Он побежал туда и увидел, что дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызёт её. Караульщик схватил топор и убил волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать.

Вдруг они услышали, что собака визжит у двери. Они вышли на двор и хотели впустить собаку в дом, но собака была вся в крови и не могла ходить.

Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула; а она умерла.

СОЛДАТКИНО ЖИТЬЁ

Рассказ мужика

Мы жили бедно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила в старом чупруне¹ и худенькой панёве², а голову завязывала какой-то ветошкой, и под горлом у ней висел мешочек. Бабушка любила и жалела меня больше матери. Отец мой был в солдатах. Говорили про него, что он много пил и за то его отдали в солдаты. Я как сквозь сон помню, он приходил к нам на побывку. Изба наша была тесная и подпёртая в середине рогулиной, и я помню, как

¹ Чупру́н — старинная женская крестьянская одежда из белого сукна в виде кафтана, перехваченного в талии. (Прим. ред.)

² Панёва — женская шерстяная юбка, которую носили крестьянки. (Прим. ред.)

я лазил на эту подпорку, оборвался и разбил себе лоб об лавку. И до сих пор метина эта осталась у меня на лбу.

В избе были два маленькие окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой. Двор наш был тесный и раскрытый. В середине стояло старое корыто. На дворе была только одна старая кособокая лошадёнка; коровы у нас не было, были две плохонькие овчонки и один ягнёнок. Я всегда спал с этим ягнёнком. Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому; мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка — от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж.

Помню я, мать стала больнее, и потом родился у ней мальчик. Мамушку положили в сени. Бабушка заняла у соседа крупиц и послала

дядю Нефёда за попом. А сестра пошла собирать народ на крестины.

Собрался народ, принесли три ковриги хлеба. Родня стала расставлять столы и покрывать скатертями. Потом принесли скамейки и ушат с водой. И все сели по местам. Когда приехал священник, кум с кумой стали впереди, а позади стала тётка Акулина с мальчиком. Стали молиться. Потом вынули мальчика, и священник взял его и опустил в воду. Я испугался и закричал:

— Дай мальчика сюда!

Но бабушка рассердилась на меня и сказала:

— Молчи, а то побью.

Священник окунул его три раза и отдал тётке Акулине. Тётка завернула его в миткаль¹ и отнесла к матери в сени.

¹ Митка́ль — хлопчатобумажная ткань. (Прим. ред.)

Потом все сели за столы, бабушка наложила каши две чашки, налила постное масло и подала народу. Когда все наелись, вылезли из-за столов, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошёл к матери и говорю:

— Ма, как его зовут?

Мать говорит:

— Так же, как тебя.

Мальчик был худой; ножки, ручки у него были тоненькие, и он всё кричал. Когда ни проснёшься ночью, он всё кричит, а мамушка всё баюкает, припевает. Сама кряхтит, а всё поёт.

Один раз ночью я проснулся и слышу — мать плачет. Бабушка встала и говорит:

— Что ты, Христос с тобой!

Мать говорит:

— Мальчик помер.

Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надела чистую рубашечку,

подпоясала и положила под святые. Когда рассвело, бабушка вышла из избы и привела дядю Нефёда. Дядя принёс две старенькие тесинки¹ и стал делать гробик. Сделал маленькое домовище и положил мальчика туда. Потом мать села к гробику и тонким голосом стала причитать и завывала. Потом дядя Нефёд взял гробик под мышку и понёс хоронить.

Только у нас и было радости, как мы няньку отдавали замуж. Приехали к нам раз мужики и принесли с собой ковригу хлеба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иван отрезал ломоть хлеба и подал ей. Я стоял подле стола, и мне захотелось хлебушка. Я нагнул мать и сказал ей на ухо. Мать засмеялась, а дядя Иван говорит:

¹ Тесинка — тонкая доска. (Прим. ред.)

— Что он, хлеба? — и отрезал мне большой ломоть.

Я взял хлеб и ушёл в чулан. А нянька сидела в чулане. Она стала меня спрашивать:

— Что там мужики говорят?

Я сказал:

— Вино пьют.

Она засмеялась и говорит:

— Это они меня сватают за Кондрашку.

Потом собрались играть свадьбу. Все встали рано. Бабушка топила печку, мать месила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась в новые коты¹, надела сарафан красный и платок хороший и ничего не делала. Потом, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло к нам много народу — полная изба.

¹ Коты — женские полусапожки, ботинки. (Прим. ред.)

Потом подъехали к нашему двору три пары с колоколами. И на задней паре сидел жених Кондрашка в новом кафтане и в высокой шапке. Жених слез с телеги и пошёл в избу. Надели на няньку новую шубу и вывели её к жениху. Посадили жениха с невестой за стол, и бабы стали их величать. Потом вылезли из-за стола, помолились Богу и вышли на двор. Кондрашка посадил няньку в телегу, а сам сел в другую. Все посажались в телеги, перекрестились и поехали. Я вернулся в избу и сел к окну ждать, когда свадьба вернётся. Мать дала мне кусочек хлебца; я поел, да тут и заснул. Потом меня разбудила мать, говорит:

— Едут! — дала мне скалку и велела сесть за стол.

Кондрашка с нянькой вошли в избу и за ними много народа, больше прежнего. И на улице был народ,

и все смотрели к нам в окна. Дядя Герасим был дружкой¹; он подошёл ко мне и говорит:

— Вылезай.

Я испугался и хотел лезть, а бабушка говорит:

— Ты покажи скалку и скажи: а это что?

Я так и сделал. Дядя Герасим положил денег в стакан и налил вина и подал мне. Я взял стакан и подал бабушке. Тогда мы вылезли, а они сели.

Потом стали подносить вино, студень, говядину; стали петь песни и плясать. Дяде Герасиму поднесли вина, он выпил немного и говорит:

— Что-то вино горько.

Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его целовать. Долго

¹ Дружка — распорядитель на свадьбе со стороны жениха. (Прим. ред.)

играли песни и плясали, а потом все ушли, и Кондрашка повёл няньку к себе домой.

После этого мы стали ещё беднее жить. Продали лошадь и последних овец, и хлеба у нас часто не было. Мать ходила заниматься у родных. Вскоре и бабушка померла. Помню я, как матушка по ней выла и причитала:

— Уже родимая моя матушка! На кого ты меня оставила, горькую, горемычную? На кого покинула своё дитячко несчастное? Где я ума-разума возьму? Как мне век прожить?

И так она долго плакала и причитала.

Один раз пошёл я с ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идёт солдат с сумочкой за плечами. Он подошёл к ребятам и говорит:

— Вы из какой деревни, ребята?

Мы говорим:

— Из Никольского.

— А что, живёт у вас солдатка
Матрёна?

А я говорю:

— Жива, она мне матушка.

Солдат поглядел на меня и го-
ворит:

— А отца своего видал?

Я говорю:

— Он в солдатах, не видал.

Солдат и говорит:

— Ну, пойдём, проводи меня
к Матрёне, я ей письмо от отца
привёз.

Я говорю:

— Какое письмо?

А он говорит:

— Вот пойдём, увидишь.

— Ну, что ж, пойдём.

Солдат пошёл со мной, да так
скоро, что я бегом за ним не по-
спевал. Вот пришли мы в свой
дом. Солдат помолился Богу и го-
ворит:

— Здравствуйте! — Потом разделся, сел на конник¹ и стал оглядывать избу и говорит: — Что ж, у вас семьи только-то?

Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит:

— Где ж матушка? — а сам заплакал.

Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. А он перестал плакать и стал смеяться.

Потом пришёл народ, и отец со всеми здоровался и рассказывал, что он теперь совсем по билету вышел.

Как пригнали скотину, пришла и нянька и поцеловалась с отцом. А отец и говорит:

¹ Конник — лавка для спанья с подъёмной крышкой. (Прим. ред.)

— Это чья же молодая бабочка?

А мать засмеялась и говорит:

— Свою дочь не узнал.

Отец позвал её ещё к себе и поцеловал и спрашивал, как она живёт. Потом мать ушла варить яичницу, а няньку послала за вином. Нянька принесла штофчик, заткнутый бумажкой, и поставила на стол. Отец и говорит:

— Это что?

А мать говорит:

— Тебе вина.

А он говорит:

— Нет уж, пятый год не пью; а вот яичницу подавай!

Он помолился Богу, сел за стол и стал есть. Потом он говорит:

— Кабы я не бросил пить, я бы и унтер-офицером не был, и домой бы ничего не принёс, а теперь слава Богу.

Он достал в сумке кошель с деньгами и отдал матери. Мать об-

радовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потом, когда все разошлись, отец лёг спать на задней лавке и меня положил с собой, а мать легла у нас в ногах. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потом я уснул.

Поутру мать говорит:

— Ох, дров-то нет у меня!

А отец говорит:

— Топор есть?

— Есть, да щербатый, плохой.

Отец обулся, взял топор и вышел на двор. Я побежал за ним.

Отец сдёрнул с крыши жердь, положил на колоду, взмахнул топором, живо перерубил и принёс в избу и говорит:

— Ну, вот тебе и дрова, топи печь; а я нынче пойду — приищу купить избу да лесу на двор. Коро-ву также купить надо.

Мать говорит:

— Ох, денег много на всё надо.

А отец говорит:

— А работать будем. Вон мужик-то растёт! — Отец показал на меня.

Вот отец помолился Богу, поел хлебца, оделся и говорит матери:

— А есть яички свежие, так испеки в золе к обеду. — И пошёл со двора.

Отец долго не ворочался. Я стал проситься у матери за отцом. Она не пускала. Я хотел уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сел на печку и стал плакать. Тут отец вошёл в избу и говорит:

— О чём плачешь?

Я говорю:

— Я хотел за тобой бечь, а мать меня не пустила, да ещё побила, — и ещё пуще заплакал.

Отец засмеялся, подошёл к матери и стал её бить нарочно, а сам приговаривал: